

ПОЛИНА
ЕЛИЗАРОВА

**ПОЛИНА
ЕЛИЗАРОВА**

**ЧЕРНАЯ
СИРЕНЬ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е51

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление — Яна Паламарчук

Елизарова, Полина.

Е51 Черная сирень: роман / Полина Елизарова. —
Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-17-112150-1

Варвара Сергеевна Самоварова – красавица с ноябрьским снегом в волосах, богиня кошек и голубей – списанный из органов следователь. В недавнем прошлом Самоварова пережила профессиональное поражение, стоившее ей успешной карьеры в полиции и закончившееся для нее тяжелой болезнью. В процессе долгого выздоровления к Варваре Сергеевне приходит необычный дар – через свои сны она способна нащупывать ниточки для раскрытия, казалось бы, безнадежных преступлений.

Два города – Москва и Санкт-Петербург. Две женщины, не знающие друг друга, но крепко связанные одним загадочным убийством. Его и предстоит раскрыть Варваре Самоваровой... и начать жизнь с чистого листа.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112150-1

© П. Елизарова, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

1

Этой ночью в городе мостов и тумана произошло двойное убийство.

Варвара Сергеевна Самоварова, красавица с ноябрьским снегом в волосах, богиня кошек и голубей, еще во сне почувствовала необъяснимую тревогу.

И сон-то впорхнул, как из фильма сумасшедшего гения: в пурпурном небытии плавали беременные рыбы, ослепило показавшееся на время солнце, но быстро исчезло вместе с рыбами, оставив после себя смазанное черно-серое пятно.

И появились прачки.

По пояс голые бесстыжие бабы на балконах серых прижатых друг к другу зданий, дружно распевая про любовь да про смерть, отжимали и развешивали белье.

Бабы были совсем юные, с едва оформившейся грудью, и зрелые, в самом соку (эти особенно нарочито прижимались к перилам, а некоторые даже зазывали к себе ошарашенных прохожих), и старые, сморщенные, самые бессовестные, которые совсем не смущались своей наготы, а кичились ею и, демонстрируя свое превосходство перед остальными, вызывающе громко хохотали, широко раскрывая беззубые рты.

Варвара Сергеевна Самоварова встала с кровати.

На ходу разминая ноги, тяжело протанцевала к окну, открыла настежь форточку и, впервые за долгое время нарушив предписание врачей и здравого смысла, закурила натошак.

За грязной тюлевой занавеской трепыхался ее шестьдесят третий май, месяц молодых, месяц страсти.

Варвара Сергеевна прекрасно знала, что в девяноста девяти процентах случаев страсть не истинна и что, быстро зародившись, так же быстро помрет, затерявшись в коммунальных платежах и витринах с обувью, что не по карману. Но сейчас Варвара остро чувствовала, что где-то неподалеку притаился тот единственный оставшийся процент, который извращает все правила, делая их исключениями.

* * *

На кухне дочь отскребала от чугунной сковородки подгоревший омлет.

— Привет, мам...

— Привет, Аня, привет!

— Как спалось? Много преступников наловила?

Вопрос прозвучал с издевкой.

Самоварова не имела намерения реагировать на колкости дочери.

— Не помню... Что, много у тебя сегодня экскурсий?

— Если хочешь завязать содержательный разговор, придумай что-нибудь поинтереснее! Много — не много, твое-то какое дело?!

Почти всегда отекая по утрам, давно не обнимавшая мужчину, Аня грубо, как когда-то делал ее отец, плюхнула на тарелку с выцветшим по краям цветочным орнаментом свой неаппетитный завтрак, резко повернулась спиной к матери и полезла в ящик за таблетками.

— Раз, два-с, три-с... И чтобы при мне выпила!

— Хорошо-хорошо, выпью... Собирайся уже, а то опять впопыхах что-нибудь забудешь...

Самоварова достала из холодильника пачку обезжиренного, с ненавистой горчинкой творога и обреченно села напротив дочери, продолжая украдкой за ней наблюдать.

Еще каких-то пару лет назад ее дочь была чудо как хороша! От мужиков не было отбоя. Разрывался мобильный, Анна Игоревна кокетничала с трубкой, ухаживала вечерами, возвращалась под утро из кабаков да гостиниц, утомленная, с пустыми глазами, иногда — пьяная, иногда — счастливая.

И все — не то, не то пальто...

— Ну что ты на меня все поглядываешь? Не нравлюсь?

— Зачем ты так, Аня? Я просто задумалась...

Самое поганое, что через месяц-другой предчувствия Самоваровой сбывались: никто из них не оставил «где-то там» семью и никто никогда не возвращался.

Лет пять тому назад был у Ани один, из местных: рост — метр восемьдесят один, лицом похожий на молодого актера Рыбникова. Так присосался к дому, что, бывало, никакими намеками не выгонишь.

А дочь даже готовить научилась.

Возможно, и правда любил он Аню.

Но, как водится, с оглядкой, не забывая о своем удобстве.

И удобство это, после всех слов и обещаний, перетянуло его обратно к той, с которой долгие годы жил законным браком: не слишком красивой и совсем необразованной, зато понятной и удобной.

Самоварова, если бы ее прямо сейчас призвали на Страшный суд, не смогла бы честно ответить, кого, по ее мнению, дочери лучше терпеть: такого-разедакого

козла, с его враньем и перегаром, или мать, с плохо помытыми чашками, линяющими кошками, рецептами и пенсией.

В кастрюльке на плите вскипели бигуди.

После того как они повиснут тяжелыми гроздьями в дочкиных волосах, нужно отсчитать еще сорок минут, только тогда Варвара сможет наконец уйти из дома по своему сверхважному делу.

— Аня, возьми зонт!

— Отстань.

— Возьми, говорю.

— Зачем?

— Дождь будет.

— Кто сказал?

— Не помню... По радио передали...

— Мама, хватит! Лучше иди корми кошек! Достали уже, под ногами путаются!

— Ты можешь простудиться... Заболеешь.

— И что, помру, да?! Ничего, повеселишься у меня на похоронах!

Застучали сердитые каблучки, хлопнула входная дверь.

Никогда не ходившая в церковь Варвара Сергеевна перекрестила то место, где только что стояла дочь, протяжно выдохнула и шустро, будто пятнадцатилетняя девчонка, бросилась обратно на кухню.

Аня возводила на кошек напраслину: они ни у кого под ногами не путались. Кот Пресли, пятилетний американский керл, подарок Ларки Калининой, по утрам царственно возлежал посреди кухни в ожидании доброго слова и завтрака. Безродная красотка Капа исподволь изучала содержимое тарелок и чашек, поглядывая в окно за птицами и нервно дергая хвостом. Аня почему-то обзывала ее базарной хабалкой, а Варвара считала воплощенной женственностью: Капа всегда

знала, чего хочет и как этого добиться. В данный момент она жадно лакала воду из стакана, приготовленного, чтобы запить таблетки.

— Минуточку подождите... Я вас порадую! — пообещала Самоварова и первым делом выкинула в помойку спрятанные под тарелкой таблетки.

Кошачья радость заключалась в отступлении от заведенного порядка: Варвара Сергеевна не стала греть кашу с рыбой — а они не очень-то и просили, им явно надоело правильно питаться, — и насыпала в миски сухого кошачьего фастфуда, встреченного с большим энтузиазмом.

— Глупые вы кошки! — бросила на ходу Варвара и скрылась в ванной.

Пока кошки дружно хрустели кормом, Варвара Сергеевна наскоро умылась, надела хлопковое, в мелкий белый горох черное платье, причесалась, посмотрела в зеркало и подкрасила красивые полные губы яркой помадой.

Все.

Осталось найти зонт.

— Кошелек, ключи, зонт... Кошелек, ключи, зонт... — заглядывая во все углы, бубнила себе под нос Варвара Сергеевна.

Когда все необходимое было уже в руках, она, словно вдруг что-то вспомнив, стремительно направилась в свою комнату.

На дне изящного флакончика, дремавшего на полке в платяном шкафу, оставалось несколько капель цветочно-пудровой мечты.

— Пресли, брысь отсюда! И не надо так на меня смотреть! Тебе это не нравится, зато нравится мне! Имею я право, в конце-то концов?!

Перси демонстративно чихнул прямо в цветочное облако, содрогнулся всей своей холеной шкуркой и, демонстрируя глубочайшую обиду, направился к по-

доконнику, на котором уже картинно разлеглась Капа. За стремление все и всегда делать напоказ Варвара ласково называла кота позером, а кошку — актрисой.

— Ну все! Можете и дальше ломать комедию, мне пора! Хорошо хоть ключи у меня еще не отобрали...

Варвара Сергеевна осторожно выскользнула за порог квартиры и, стараясь действовать как можно тише, дважды повернула ключ в замке.

— Доброе утро! — Со второго этажа медленно спустился сосед в мешковатом сером костюме с плотно затянутым на морщинистой шее галстуком.

Самоварова неохотно кивнула.

— Ну как там, Варвара Сергеевна, питомцы ваши?

— Спасибо, хорошо. — Самоварова вытащила было из сумочки кошелек, но не захотела при поостороннем пересчитывать скудное содержимое, и быстро убрала его в карман плаща.

— Здесь вчера мужик какой-то в подъездную дверь ломился, мол, корм привез для кошек. Я сразу понял, что к вам, к кому же еще. Якобы домофон у вас не работал и трубку вы не брали... Подозрительный тип! Вы уж извините, но в подъезд я его впускать не стал. Вам ли не знать, сколько сейчас жуликов развелось!

Самоваровой хотелось поскорее избавиться от соседа. Не считая нужным поддерживать разговор, она заторопилась к лестнице.

— Секундочку, постойте! — повысил голос сосед.

— Что, простите?

— Варвара Сергеевна! Если уж вы заказываете доставку, будьте добры, не создавайте соседям неудобств!

— М-да?.. Всего хорошего!

Никакого курьера она не ждала и заказать что-либо по интернету у нее не было возможности: интернет в квартире давно уже существовал только на Анькином запароленном ноутбуке. Может, это Анька про-

явила нежданную заботу, а потом закрутилась и сама о том позабыла? Так на нее похоже!

Сосед посмотрел Самоваровой вслед, крутанул пальцем у виска.

— Говорят же: шизофреничка, ну что с нее возьмешь?

Варвара Сергеевна вышла из подъезда на старинный, оживленный в этот час проспект и так быстро, как только позволяли ноги, понеслась по адресу, который шепнул ей в трубку пару часов назад один хороший человек.

Благо это было неподалеку.

2

Невзрачная двухэтажная гостиница, выкрашенная в желтовато-коричневый цвет, с тяжелыми решетками на низких окнах и затейливыми, словно случайно кем-то передвинутыми с пешеходных улиц чугунными лавочками по обе стороны от входа, располагалась в небольшом, уже утопавшем в майской зелени дворике.

В данный момент в тихом уголке творилось нечто невообразимое: на крошечной гостиничной парковке стояли три машины полиции и «скорая помощь», а служащие отеля в некрасивой униформе, зеваки из окрестных домов и похожие на гончих псов полицейские возбужденно суетились, покрывая громкими возгласами и матом весь этот маленький тесный пяточок.

Лупоглазая и худосочная администратор отеля с усилием придерживала рукой входную дверь, через которую непрерывно сновали люди.

Самоварова стала протискиваться в самую гущу массовки. На нее тут же повеяло валокордином, гастритным желудком, дешевой кожей форменных полицейских ремней, сигаретами и плохим кофе.

Никто не обратил на нее ни малейшего внимания. Это позволило сразу же слиться с толпой в единый живой организм, чтобы уловить энергию, тонкий след которой вел наверх, в недра небольшого здания, где, судя по всему, развернулось основное действо.

Две смахивающие на проводниц поезда горничные с аляповатым, неуместным для дневного света макияжем, спешно затягиваясь, негромко переговаривались между собой.

— Богатая была... Она за все и платила...

— То ли кубинец, то ли мексиканец! — объяснял возрастной мужчина в льняном пиджаке своему собеседнику — долговязому парню с бумажным стаканчиком кофе в руке и дурацкой собачкой под мышкой.

— А если так, то кого-то из консульства должны были вызвать, — громко и скорее сам для себя заключил мужчина, поскольку парень, которому повизгивавшая собачонка явно доставляла физическое неудобство, только молча угукал в ответ. — Что-то не вижу я тут машин с дипломатическими номерами...

— Р-р-разойтись!!! — скомандовал в мегафон показавшийся в дверном проеме майор в туго натянутой на пивном животе форменной рубашке.

Самоварова прищурилась: этого усатого она не знала.

— Всем посторонним лицам просьба разойтись по домам! — упорствовал тот, хотя в ответ в толпе не образовалось ни малейшего движения.

Двое совсем юных полицейских, девушка и парень, волокли по асфальту парковочные буйки и, расставив их в две линии, с помощью липкой белой ленты выделили коридор до машины «скорой», которая, истерично завывая и с трудом маневрируя в толпе, пыталась ровно сдать назад.

Самоварова поняла, что опоздала.

Скоро начнут выносить, и проникнуть в здание у нее уже точно не получится.

Она достала из сумки потертый очечник и папку, надела очки, положила сверху папки чистый белый лист, зажала в пальцах шариковую ручку, и, уверенно подвигав локтями, натоптала себе местечко возле машины «скорой».

Своего доброго друга она здесь пока не углядела.

Плохо. Очень плохо...

Без покровителя она рисковала быть выдворенной отсюда вместе с остальными зеваками. Варвара Сергеевна надеялась, что при помощи своего невозмутимого остренького личика и строгого серого плаща она сможет спасти ситуацию, ведь было дело — помогало. Но, оценив обстановку, она сообразила, что лучше прямо сейчас заручиться хоть каким-то союзником.

Обернувшись, Самоварова обнаружила, что за спиной у нее оказался тот самый возрастной эксперт по международным отношениям.

— Говорят, — доверительно шепнула ему Варвара Сергеевна, — если, конечно, я верно расслышала, этот иностранец — принц африканский...

Майор снова показался в дверях, стер со лба пот, устало выдохнул и свирепо прокричал в мегафон:

— Граждане! Не мешайте работать! Покиньте площадку!

— Не каждый день такое увидишь, — продолжала, не дождавшись никакой реакции, Варвара Сергеевна. — А может, чуть-чуть похулиганим?

— Хм! — наконец произнес «эксперт». — А я подумал, вы тоже при исполнении!

— Ну как сказать... Что, испугались?

— А чего мне бояться? — не понял собеседник, на всякий случай немного попятившись назад.

— Сейчас их вынесут... Если вы легонько меня подтолкнете, я, возможно, успею разглядеть, принц это какой или брешут...

— Господи помилуй! Надо же такое придумать! — не поддержал ее порыва он.

Ответить Самоварова не успела — из здания вывалила целая толпа полицейских. Зная, что народ не так просто разогнать, полицейские принялись, толкаясь спинами, оттеснять людей подальше от белой ленты.

Майору позвонили на мобильный.

— Да! — рявкнул он в трубку. — Так и есть, уже увозим!

— Ну же, не подкачайте! — сделав вид, будто они обо всем договорились, бросила через плечо Самоварова и, вжав голову в плечи, с сосредоточенным выражением лица принялась чертить на бумаге какие-то круги.

— Вы что же думаете... — начал за спиной мужчина, но договорить не успел: из дверей показались санитары с носилками. Оглушил своим мегафоном майор, полицейские потеснили толпу, отжимая ее назад. Вскоре носилки поравнялись с тем местом, где, едва удерживая равновесие, стояла Самоварова, которая уже нащупала ногой ступню соседа. Недолго думая, она что было силы воткнула в нее свой каблучок.

— Твою мать! — Мужчина рефлекторно двинул ей в спину кулаком, и она, теряя равновесие, упала грудью на белую, с пятнами крови, простыню, прикрывавшую чье-то крупное тело.

* * *

— Варвара Сергеевна, голубушка, что ты за шапито-то здесь устроила, а?!

Полковник Никитин, большой, сутулый, чем-то похожий на медвежонка коалы, раздувшегося до невероятных размеров, раздраженно топтался на од-

ном месте. Взгляд его, мониторивший обстановку вокруг, время от времени тяжело опускался на Самоварову, сидевшую в кресле в маленьком вестибюле отеля.

Отделение полиции, которым командовал полковник, слыло в городе «интеллектуальным». Там обходились без побоев, дешевых угроз и прочего беспредела, и многим в существующей системе это не нравилось. Не раз он уже нарывался на неприятности, которые неминуемо должны были привести к отстранению от занимаемой должности, но чья-то таинственная и сильная рука, уважающая истинный правопорядок, в последний момент его спасала, и даже самые серьезные недруги на какое-то время оставляли полковника в покое.

Самоварова, прикрыв рот рукой, все еще едва сдерживала рвотные позывы. Выбранный ею неизвестный «союзник» (будь он неладен!) толкнул ее в спину с такой силой, что вместо задуманного «рассмотреть поближе» она, на несколько жутких секунд, оказалась лежащей на трупе.

Пытаясь на что-то переключиться, Самоварова рассматривала ботинки полковника.

«Модель все та же, классическая... Добротные, но поношенные, себя не балует, а ей-то, поди, уже не одну шубу с тех пор купил!»

Лет пятнадцать тому назад почти такие его ботинки иногда стояли в коридоре ее квартиры, и у нее прыгало сердце от страха, что Аня, тогда студентка, может неожиданно нагрять домой.

— Варя, — понизив голос, окликнул ее полковник. — Ва-ря!

Никитин снова осмотрелся: в отеле стало потише, но он по-прежнему гудел, как разворошенный улей. По холлу быстро сновали полицейские, которые уже завершили все необходимые процедуры.